

УДК 003.73

DOI: 10.31857/S032120680003611-6

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ В АМЕРИКЕ И ОБ АМЕРИКЕ (К 85-летию, 12.05.1933 – 4.06.2010)

© 2018 г.

В.А. Соколов*

Статья поступила в редакцию 27.08.2018.

Автор исследует значение и роль творчества выдающегося русского поэта в контексте российско-американских связей.

Ключевые слова: Н.С. Хрущёв, А. Миллер, У.Х. Оден, Кеннеди, Зоя Богуславская.

При чтении Вознесенским своих стихов в нашей стране заполнялись стадионы. Однажды присутствовавший на таком выступлении поэта в «Лужниках» известный американский писатель Артур Миллер спросил жену поэта Зою Богуславскую: «Разве эти стихи не напечатаны?» «Напечатаны? – изумился он, услышав ответ. Зачем же эти люди тащатся сюда, если могут прочитать всё дома, лежа на диване?»

Как объяснить иностранцу, что «поэт в России больше, чем поэт», что стихи кому-то заменяют религию, словами стихов объясняются в любви и новый сленг входит в современные словари на равных правах с классическим языком?

“Среди идиотств, суеты, наветов

поэт одиозен, порой смешон –

пока не требует поэта к священной жертве

Стадион!

И когда мы выходим на стадионы в Томске

или на рижские «Лужники»,

вас понимающие потомки

тянутся к завтрашним сквозь стихи”. (Андрей Вознесенский. 1979: 53)

В Америке, где Вознесенский бывал неоднократно, он также собирал многочисленные аудитории, понравившись прежде всего своей необычностью, непохожестью на “советскость”. Как свидетельствуют очевидцы, слушатели стихов Вознесенского в Америке “сдавались ему толпами”. Чтения устраивались, например, в “Линкольн-центре”, которые невозможно было отменить из-за “Full House”. В Америке Вознесенского издавали больше чем у нас.

Успеху Андрея в США, рассказывала “Собеседнику” вдова поэта, очень способствовало его блестящее знание английского языка, он мог разговаривать напрямую с любым американцем вплоть до Артура Миллера и Курта Воннегута. Вообще Воз-

* СОКОЛОВ Владимир Алексеевич – кандидат исторических наук, член-корреспондент Российской Академии поэзии. Скоропостижно скончался 2.11.2018 года.

несенский пребывал в ауре уважительного ореола со стороны корифеев американской интеллектуальной элиты, где уважение и учтивость в особой цене.

Нередко широкую известность Андрея Вознесенского в Америке связывают с его перепалкой с Н.С. Хрущёвым на встрече руководителей КПСС с деятелями культуры в марте 1963 г.* На самом деле он не стал бы почётным членом Американской академии искусств и литературы, если бы на него не обратили внимание интеллектуалы высокого уровня. А в 1978 г. Вознесенскому была вручена премия Международного форума поэтов “За выдающиеся достижения в поэзии”.

Возможно, ещё долго будут разбираться в проблемах отношений Вознесенского с властью, но надо помнить о главном: в трудные времена взаимоотношений двух сверхдержав поэты США и СССР нашли общий язык, который по-своему помог удержаться на краю бездны, разделявшей эти страны. “Обязанность стиха быть органом стыда” – таков был главный постулат поэзии Вознесенского, которому он следовал всю свою жизнь. Очевидно, этот постулат чувствовала американская аудитория.

Для многих Вознесенский становился своеобразным открытием самой Америки – не все увлекались поэзией, тем более американской. Да и в самой Америке своих поэтов не очень жаловали. А тут вдруг появляется ещё не всем известный московский бард, который американских поэтов не только знал лично, но и очень трогательно их уважал. Например, таких как его переводчики Стэнли Куниц или Джордж Риви.

С большим интересом он был воспринят творческой элитой, в том числе поэтами Уинстеном Хью Оденом, Джо Уоллесом, Аленом Гинзбергом, Робертом Лоуэллом. Последний писал о Вознесенском: “Он полон новаторства, творческого огня и юмора... Первоклассный мастер, который имеет героическую самоотверженность быть самим собой” [Андрей Вознесенский. 1984: 92]. С Лоуэллом Вознесенского сближала также тема единения и взаимопонимания народов. Вознесенский приводит следующие слова Р. Лоуэлла “Наши оба правительства одинаково постыдны, но поэты должны соединять народы” [Андрей Вознесенский. 1990: 182]. Весьма созвучным этой теме предстаёт его стихотворение “Муравей”:

*“Он приплыл со мной с того берега,
заблудившись в лодке моей.
Не берут его в муравейники:
с того берега муравей ...
И я сам не имею пеленга
того берега, муравей”*. [Андрей Вознесенский. 1979: 81].

Особенно Вознесенский ценил знакомство с живым тогда ещё англо-американским классиком У.Х. Оденом (1907–1973) (“с лицом, похожим на рисунок, сотканный из известняка”). Общее положение эссеистики Одена заключается в том, что стихотворение “делается” по вдохновению в гораздо меньшей степени, чем по мастерскому чутью ремесленника. Поэзия, считал он, способна пережить время и историю, но, увы, не способна изменить ни того, ни другого [Уинстен Хью Оден. 1998: 16, 18]. На вопрос “Нью-Йорк таймс”: “Что самое красивое на Запа-

* В своей книге «Аксиома самопоиска» А. Вознесенский приводит такие слова: “Господин Вознесенский! Вон! Вы клеветаете на Советскую власть! Катитесь к такой-то матери из страны! Вон!! Товарищ Шелепин выпишет вам паспорт!” Позже Н.С. Хрущёв передаст Вознесенскому слова сожаления о случившемся. Вознесенский ответил, что не держит на него зла. “Ведь главное, что после 56-го года были освобождены люди” [Андрей Вознесенский. 1990: 177].

де?» Вознесенский ответил: «Морщины Одена» («Когда я увидел лик Одена, изборозждённый гигантскими морщинами, – вспоминал Вознесенский в книге «На виртуальном ветру», – я понял, как это грандиозно. Это были трещины от землетрясения ума. Глубочайшие трещины в пустыне духа» [Андрей Вознесенский. 1998: 452]).

Сам Оден оставил следующие наставления: «Всякая поэзия, которая желает сделать жизнь чуть более светлой, должна ответить на два вопроса, которые задают себе все люди, жаждущие просветления жизни. При этом неважно, читают они стихи или нет. Вот эти два вопроса: 1. Кто я такой? Иными словами: каковы различия между мной и остальными? 2. Каким я должен быть? Все мы ищем ответы на эти вопросы. Мы хотим, чтобы ответы были сколь универсальны, столь и практически применимы в жизни каждого из нас, существующего в настоящее время в данном месте» [Оден. 1998: 80-81].

Не трудно заметить, что эти высказывания Одена созвучны и руководящим принципам творчества самого Вознесенского, которые он постоянно развивал в себе и передавал другим, будучи убеждённым, что, как он писал в книге «Прорабы духа», «поэзия – самая необходимая ветвь в искусстве» [Андрей Вознесенский. 1984: 175].

С Оденом они познакомились в Канаде, где Вознесенский также встречался с поэтом Джо Уоллесом.

Любопытно, что не все из упомянутых литераторов были широко известны и ценились в Америке и встречи с Вознесенским были нередко откровением для аудитории в самих Штатах, где путешествующий русский поэт читал не только свои стихи о России, но и стихи о жизни в Америке, какой он её видел. А сами стихи по своей интонации и содержанию воспринимались как общечеловеческие.

*“Проклинаю твой, Вселенная, масштаб,
Марсианское сияние на мостах,
Проклинаю, обожая и дивясь,
Проливная пляшет женщина под джаз.*

“Вы Америка?” – спрошу, как идиот ...” [Андрей Вознесенский. 1964: 73].

С большой симпатией Вознесенский был воспринят семейством Кеннеди. После личной просьбы Джона Кеннеди Хрущёв оставил поэта в покое, и его стали выпускать за рубеж, а Роберт Кеннеди переводил произведения поэта на английский язык. Как-то, будучи в гостях в семействе Кеннеди, Вознесенский сравнил младшего из братьев, Эдварда, с Сергеем Есениным. Позднее Э. Кеннеди напишет предисловие к одной из книг стихов Вознесенского, изданной в США, в которой выразит надежду на то, что появление нового сборника стихов поэта поможет построить мосты дружбы и сотрудничества между народами Соединённых Штатов и Советского Союза.

Настоящей поклонницей поэта и русофилкой оказалась первая леди Америки, икона стиля Жаклин Кеннеди, проявлявшая огромный интерес к русской культуре, что нашло отражение в её журналистской деятельности. «Жаклин, уже не Кеннеди, а Онассис, была для меня одной из самых дорогих и необходимых мне фигур западной культуры. Рафинированная европейка, со звёздностью и безошибочностью вкуса, она бывала на моих вечерах, когда находилась в Нью-Йорке, – писал Вознесенский. – Россия была её страстью. Она выпустила альбом «Русские костюмы». – И далее следует неожиданное и удивительное для западной «иконы стиля» замечание Жаклин. – Во время распада нашей страны сказала мне: «Россию растащат, как свою добычу, соседние хищные птицы»... Я ещё тогда не понимал этого, но она, ино-

странка чувствовала. Работая в издательстве «Даблдэй», предложила издать книгу моих стихов и живописи. Но мне не хотелось омрачать высоту наших отношений отношениями деловыми. Я отказался. Я ей подарил свой видеом «Бабочка Набокова», которую она, понятно, хотела купить на выставке. Собиралась вставить эту бабочку в стекло своей квартиры на Пятой авеню, чтобы сквозь неё был виден Центральный парк. Потом разрешила мне свозить эту бабочку в Париж, а затем в Москву, на мою выставку в Музей имени Пушкина. Когда я привез в Нью-Йорк отдавать её, бабочка, увы, прилетела на похороны хозяйки ... Бабочка так и осталась у меня». [Андрей Вознесенский. 1998: 189].

Вообще отношения Вознесенского с семейством Кеннеди («королевским домом Америки»), о которых не так много известно, – отдельная страница истории советско-американских отношений.

В США Вознесенский также познакомился с голливудской кинодивой Мэрилин Монро (*“Я помню Мэрлин. Её глядели автомобили.*

На стометровом киноэкране в библейском небе, меж звезд обильных...”).

На её гибель он откликнулся стихотворением «Монолог Мэрлин Монро»:

“Я Мэрлин Монро.

Я героиня

самоубийства и героина ...

...Невыносимо самоубийство,

но жить гораздо невыносимей!

... Я баба слабая. Я разве слажу?

Уж лучше – сразу”. [Андрей Вознесенский. 1979: 6-9].

В один из первых американских вояжей Вознесенского, по окончании чтения стихов на вечере поэзии в музее Метрополитен в Нью-Йорке, к нему подошёл престарелый господин с удивительно знакомой внешностью. Он, оказавшийся Александром Керенским, протянул руку, пожать которую тогда ещё было небезопасно. Такие вояжи ещё только становились обыденными и прокладывали неуверенную тропинку между прежней и нарождающейся Россией. «Говорят, – пишет Вознесенский в книге «Аксиома самопоиска», – Керенский переодевался медсестрой. Нарисовал на лбу красный крестик. И убежал. Сам Александр Фёдорович отрицал мне это. Говорят, он переоделся матросом. Надел нолик бескозырки. Но это тоже неправда. Почитайте Берберову». [Андрей Вознесенский. 1990: 49].

Вознесенский в Нью-Йорке предстаёт в памяти разным*. Вот он выступает перед коллективом советских сотрудников в Постпредстве СССР при ООН, заявив для многих неожиданно: «Уберите Ленина с денег. Он – для сердца и для знамёна». Выступая в Постпредстве, Андрей был своим. Когда он неожиданно сказал, что «хорошо быть среди своих», подумалось, что, намотавшись вдоволь по не всегда ласковой Америке, он уже искренне мог различать настоящее радушие наших и любопытствующий, хотя, может, и не всегда искренний интерес американцев.

Андрей Вознесенский создал довольно широкий круг общения за рубежом. Однажды он сообщил, что работает над большой сюжетной вещью. Она – об «открытии Америки», в её основу легли его американские впечатления. Может быть он больше всего интересен своим открытием Америки, её не известными нам людьми. Открывая Америку для себя, он открывал её для нас.

* Работая в США в 1960-е годы, автор имел возможность общаться с А. Вознесенским в качестве сопровождавшего и помощника по организации нескольких встреч с американскими деятелями культуры.

*"Не понять Америку с визитом
праздным рифмоплетая назиданье.
лишь поймет сообщник созидания,
с кем преломят бутерброд с вязигой
вечности усталые Сизифы ...
Ни одно- и не многоэтажным
я туристом не был. Я работал". [Андрей Вознесенский. 1979: 105].*

Америку в описании Андрея Вознесенского, очевидно, надо «открывать» в сочетании со стихами Евгения Евтушенко. Как бы они ни относились друг к другу, для читателя они равноценны, поскольку талантливо раскрывают увиденное, помогают не пропустить важное. Вознесенский пишет: «Евтушенко – поэт-оратор. Его муза – полемическая публицистика. Он лирически вбирает политический нерв мгновения, создав особый жанр – поэтическую журналистику*... Когда-то на вечере в Московском университете Илью Эренбурга спросили о Евтушенко и обо мне. Усталый мэтр, тончайший дегустатор мировой поэзии, горько усмехнулся: “Что у них общего?” И ответил притчей: “Однажды разбойники поймали двух путников. Сначала одного, потом другого. И привязали их вместе к одному дереву одной верёвкой. Так вот, общее у них – это одно и то же дерево, та же веревка и те же разбойники”. К сожалению, разбойники увы, до сих пор существуют» [Андрей Вознесенский 1998: 242, 244].

Но в американском Нью-Йорке уже давно был свой Вознесенский со времён его первого приезда в 1961 г., где на выступлениях его ждали овации. На встрече в Клубе любителей книги в Секретариате ООН навсегда запомнились, казалось, родившиеся на наших глазах стихи «Яблоки с бритвами» [Андрей Вознесенский. 1979: 118], которыми какой-то извращенец «угостил» детишек в праздник Хеллоуина, о чём Вознесенский узнал из местного радио в машине. Вещь оказалась настолько сильной, что, по словам поэта, кто-то из зрителей «по-американски» в качестве признательности оставил ему после выступления тысячедолларовую купюру.

Впечатляют его зарисовки различных известных деятелей политики, науки, культуры. Например: «Премьер Пьер Трюдо строен, артистичен. Молодое смуглое подвижное лицо (он чем-то напоминает мне портреты Камю), динамичное тело слаломиста. Говорит о Тургеневе, живо интересуется Россией, может зайти на званый ужин в шортах. Дома, в своём уютном особняке, убранном азиями, за скромным обедом он оказался прост, приветлив, одет в скромный костюм с хризантемой. А через пару часов я уже наблюдал его на скамье парламента, собранного, острого полемиста, исподтишка, по-мальчишески подмигивающего среди того чинного парламента, где через два дня он озорно брякнет своим оппонентам выражение, несколько более рискованное, чем «К чёрту!» [Андрей Вознесенский. 1984: 464]. И ещё: «Знаменитый Маршалл Маклюен живёт в Торонто. Оракул для одних, электронный шаман для других, он потряс мир своими книгами о влиянии средств связи на человека... Профессор Маклюен сухопар, высок. Внешне напоминает персонажей Жюль Верна...» [Андрей Вознесенский. 1984: 452].

Находясь в Канаде («Цель моего приезда в Канаду – читать по городам стихи студентам» [Андрей Вознесенский. 1998: 450]) и прочитав в книге Дж Ленсена

* См.: Соколов В.А. 2018. Американские опыты поэтической журналистики Евтушенко в США // "США ♦ Канада", № 3. – Ред.

много «лестных страниц о Резанове» (Н.П. Резанов – русский государственный деятель, дипломат, почётный член Петербургской АН, один из учредителей Российской Американской компании в Северной Америке. – В.С.) начал писать поэму «Авось». Как-то, при случайной встрече с поэтом в холле здания на Смоленской в Москве он мне сказал, что едет в Америку ставить рок-оперу. В основу либретто была положена поэма «Авось» (1970г.), использованы стихотворение «Сага» («Ты меня на рассвете разбудишь, проводить необутая выйдешь...» и «Романс из оперы «"Юнона" и "Авось"» (1977 г.) Вознесенский писал потом: «Понятно, образы героев поэмы и впоследствии написанной оперы не во всем адекватны прототипам. Текст оперы был написан мною в 1977 году. Композитор А. Рыбников написал на её сюжет музыку, в которой замороженно оркестровал историю России, вечную и нынешнюю. В 1981 г. опера поставлена М. Захаровым в театре им. Ленинского комсомола».

Премьера рок-оперы «"Юнона" и "Авось"» состоялась в 1981 г. в театре им. Ленинского комсомола, а уже через два года знаменитый французский кутюрье Пьер Карден представил «"Юнону" и "Авось"» французской публике в театре «Эспас Карден». Затем последовали триумфальные гастроли по всему миру: в США, Германии, Голландии. Впоследствии опера была поставлена в Польше, Венгрии, Чехии. Южной Корее.

Если делать некоторые обобщения впечатлений американских вояжей А. Вознесенского, напрашивается мысль: он, наверно, любил Америку, но не обожествлял её, о чём пишет во многих стихотворениях. Например, в одном из них, «Нью-Йоркские птицы»:

*«На окно мне садится
в лунных вензелях
алюминиевая птица...
Кто ты? Бред кибернетический?
Полуробот? Полудух?
Помесь королевы блюза
и летающего блюда?
Может, ты душа Америки?
уставшей от забав?»* [Андрей Вознесенский. 1964: 70–71].

Или в стихотворении «Монолог битника»:

*«Лежу бухой и эпохальный,
постигаю Мичиган...
Вы думали – я шут?
Я – суд!
Я – Страшный суд. Молись, эпоха».* [Андрей Вознесенский. 1979: 115–116].

Или:

*«В Америке, пропахшей мраком, камелией и аммиаком,
В отелях лунных, как олени, по алюминиевым аллеям,
Пыхтя, как будто тягачи,
За мною ходят стукачи (17 лбов из ФБР,
Бррр!).»* [Андрей Вознесенский. 1964: 150]

И как апофеоз впечатлений и размышлений поэта об Америке написанный в 1977 г. **Русско-американский романс:**
«И в твоей стране, и в моей стране

до рассвета спят – не спиной к спине.
 И одна луна, золотая вдвойне,
 И в моей стране, и в твоей стране,
 И в одной цене, – ни за что, за так,
 для тебя – восход, для меня – закат.
 И предутренний холодок в окне
 Не в твоей вине, не в моей вине.
 И в твоём вранье, и в моём вранье
 есть любовь и боль по родной стране.
 Идиотов бы поубрать вдвойне
 И в твоей стране, и в моей стране». [Андрей Вознесенский. 1990: 288]

Список литературы

- Андрей Вознесенский. 1964. Антимир М.: Молодая гвардия. 220 с.
 Андрей Вознесенский. 1990. Аксиома самопоиска С-Пб.: Икпа. 562 с.
 Андрей Вознесенский. 1979. Избранная лирика М.: Детская литература. 160 с.
 Андрей Вознесенский. 1998. На виртуальном ветру М.: Вагриус. 452 с.
 Андрей Вознесенский. 1984. Прорабы духа М.: Советский писатель. 495 с.
 Андрей Вознесенский. 2013. «Ты меня никогда не забудешь». СПб.: Азбука. 284 с.
 Оден Уистен Хью. 1998. Чтение. Письмо. Эссе о литературе М., изд. Независимая газета, 317 с.

References

- Andrey Voznesensky. 1964. Antimiry [Anti-Worlds]. Moscow, Molodaiā gvardiā, 220 p..
 Andrey Voznesensky. 1990. Aksioma Samopoiska [Axiom of Self-Search] Saint Petersburg, Ikpa. 562 p.
 Andrey Voznesensky. 1979. Izbrannaiā Lirika [Selected Lyric]. Moscow, Detskaia literatura. 160 p.
 Andrey Voznesensky. 1998. Na Virtual'nom Vetru [In the Virtual Wind]. Moscow, Vagrius. 452 p.
 Andrey Voznesensky. 1984. Proraby Dukha [Foremen of Spirit]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 495 p.
 Andrey Voznesensky. 2013. "Ty meniā nikogda ne zabudesh'" ["You Will Never Forget Me..."]. Saint Petersburg, "Azбука". 284 p.
 Auden Wystan Hugh. 1998. Chtenie. Pis'mo. Èsse o literature [Reading. Writing. Literature Essays]. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publishers. 317 p.

Culture

Andrey Voznesensky in America and about America

(USA & Canada Journal, 2019, no. 1, p. 118-124)
 Received 27.08.2018.

SOKOLOV Vladimir Alekseyevich, Candidate of Sciences (History), Corresponding Member of the Academy of Poetry. Russian Federation.

The author considers the role and importance of works of the prominent Russian poet, Andrey Voznesensky, in the context of Russian-American ties.

Keywords: N. S. Khrushchev, Z. Boguslavskaya, A. Miller, U.X. Oden, Kennedies.